

УДК 347.635.3+355.244.211(571.1)«1941/1945»
DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-143-156

ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ ТЫЛУ (1941–1943 ГОДЫ)

Л. И. Снегирева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Исследована проблема эвакуации детских учреждений в западносибирский тыл, основное внимание уделено таким аспектам, как прием и размещение, вызванным ими организационно-производственным социальным проблемам и последствиям. Цель статьи – путем комплексного изучения проблемы выявить состояние работы, механизмы деятельности местных органов управления, учреждений, масштабы и результаты проводимых мероприятий. Показано, что эвакуация детских учреждений, их прием и размещение были в центре внимания властных структур. Вопросы решались персонально, с учетом складывающейся обстановки. Подчеркивается сложность проводимой работы, ее сильные, слабые стороны, прослеживаются пути решения возникающих проблем. Отмечено, что, несмотря на предпринимаемые меры, положение детей во многих детских учреждениях было сложным. Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что в труднейших условиях жесточайшей войны была государственная политика по защите и охране детства, сохранения генофонда страны.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, эвакуация, детдома, интернаты, дома малютки.*

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии принесла неисчислимые бедствия, потери и великую Победу. Осмысление ее причин и цены невозможно без изучения эвакуации и проблем, ею порожденных. Одной из них была проблема детства. Являясь важнейшим направлением социальной политики в годы войны, эта проблема не осталась вне поля зрения исследователей [1, с. 273–279; 2, с. 28–29; 3, с. 1–25], однако она по сей день относится к числу слабоизученных.

Проблема детства многогранная и многоплановая. Учитывая это, авторы рассматривают лишь отдельные аспекты, а именно прием и размещение детских учреждений в сибирском тылу. Изучение этой проблемы имеет как научный, так и социально-политический и морально-нравственный аспекты. В тяжелейшие для страны годы в экстремальных условиях решались задачи, относящиеся непосредственно к проблеме сохранения нации: миллионам детей была сохранена жизнь. Это сыграло принципиально важную роль в послевоенном воспроизводстве населения страны.

Среди неисчислимого количества бед, связанных с войной и эвакуацией, самыми тяжелыми были страдания детей. Сотни тысяч из них испытали долю беженцев, горе потери родителей, тяжесть военного лихолетья. В связи с этим забота о детях стала важнейшей государственной задачей. «Как бы мы не были поглощены войной, – говорилось в передовой статье газеты «Правда» – забота о детях, о их воспитании остается одной из главных наших задач» [4, с. 1]. В другой передовой статье этой же газеты подчеркивалось: «особой забо-

ты требуют эвакуированные дети». Газета призвала общественность, партийные и советские организации сделать все для того, чтобы эвакуированные дети «как можно в меньшей степени чувствовали лишения войны» [5, с. 1]. Для решения этих задач объединялись усилия государственного аппарата, общественных организаций, широких народных масс.

В годы войны в СССР действовала разветвленная сеть детских учреждений, созданная еще в предвоенные годы. По решению правительства основную работу по эвакуации и обустройству эвакуированных детей в восточных районах страны осуществлял наркомат просвещения СССР, а на местах – наркоматы просвещения республик, в частности, на территории Западной Сибири – наркомат просвещения РСФСР. В связи с войной приказом от 17 июля 1941 г. управления по дошкольному воспитанию и по детским домам объединялись в одно управление детских домов и дошкольных учреждений. Руководство им, секретариатом Наркомпроса, инспекцией при наркомате, специальным отделом и секретным отделом осуществлял нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин [6, л. 61].

Дети прибывали в Западную Сибирь вместе с родителями, родственниками, с эвакуированными детскими учреждениями, группами и индивидуально. Наряду с предприятиями, организациями в тыл были эвакуированы тысячи детских учебно-воспитательных учреждений. Оргбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 22 августа 1941 г. обязало ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы ВКП(б), Наркомпрос, Наркомздрав СССР

принять все необходимые меры для создания нормальных условий проживания эвакуированных детей на новых местах. Выполнение данного решения контролировала заместитель заведующего отделом школ Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. А. Пивоварова. Отдел школ проверял организацию жизни детей, подбор педагогических кадров [7, л. 33].

Вставшие в связи с войной и эвакуацией проблемы необходимо было решать незамедлительно. Письмом от 3 сентября 1941 г. наркомат просвещения РСФСР рекомендовал наркоматам просвещения автономных республик, заведующим краевыми, областными, горрайонными отделами образования в период с 25 сентября по 15 октября 1941 г. провести районные совещания работников дошкольных учреждений с целью определить рабочие задачи в условиях военного времени [6, л. 108].

Большую роль в решении вставших проблем играл комсомол. Уже на второй день войны ЦК ВЛКСМ принял постановление о мероприятиях по военной работе в комсомоле, которое определило задачи комсомольских организаций в условиях войны. Принятое ЦК ВЛКСМ постановление от 6 сентября 1941 г. обязывало комсомольские организации страны обратить самое пристальное внимание на эвакуированные детские учреждения и оказывать им всевозможную помощь в размещении, обустройстве на новых местах и подготовке к зиме. Комсомольские организации страны с первых дней войны принимали участие в эвакуации детей, обслуживании их в пути, оказании всесторонней помощи в приеме, размещении их на новых местах, в охране их жизни, здоровья, организации учебно-воспитательной работы. Ответственность за работу с эвакуированными детьми в обкомах, крайкомах и ЦК комсомола союзных республик была возложена на секретарей по школам, в горкомах и райкомах, на железнодорожном транспорте – на помощников начальников политотделов дорог по комсомолу.

Комсомольские организации и руководящие комсомольские работники регулярно ставили перед партийными, советскими, профсоюзными организациями вопросы, связанные с размещением и обслуживанием эвакуированных детей.

Большая работа проводилась Наркомпросом РСФСР, возглавляемым В. П. Потемкиным, органами народного образования союзных республик, профсоюзами учителей, работников дошкольных учреждений и детских домов.

В Западную Сибирь дети начали прибывать в первых числах июля 1941 г., о чем свидетельствуют выявленные авторами архивные документы. Согласно им, с 3 по 16 июля 1941 г. Новосибирская область приняла из прифронтовой полосы 279 се-

мей (614 человек), из них 279 человек (45,5 %) детей [8, л. 3–9]. Осенью и зимой 1941 г. поток эвакуированных детей резко усилился. С 3 июля 1941 г. по 1 марта 1942 г. только Новосибирская область (по неполным данным) приняла 146 292 человека эвакуограждан, из которых 42 992 человека (около 30 %) составили дети, большая их часть (24 764 человека) в возрасте до 7, а 18 128 человек до 14 лет [9, л. 1–30]. К весне поток детей начал спадать, но с мая – июня 1942 г. резко возрос и продолжался до конца 1942 г. За июнь – декабрь Новосибирский эвакуопункт принял 227 164 человека, из них 73 939 (24,6 %) детей [9, л. 48–51]. С начала и до весны 1943 г. темп эвакуации вновь ослаб, но дети продолжали прибывать до глубокой осени 1943 г. [11, л. 74; 12, л. 54, 104, 146]. В Западную Сибирь были эвакуированы дома малютки, детские ясли, сады, детдома, пионерские лагеря, интернаты из Черниговской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Гомельской, Псковской, Сталинградской, Московской, Сталинской (Донбасс) областей, Пскова, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Гомеля и других городов, но особенно много было детских учреждений из Ленинграда. Из 138 эвакуированных детских учреждений, размещенных в Омской области на 1 июня 1942 г., – 109 были ленинградскими интернатами [13, л. 134, 193, 198; 14, л. 18–25]. Из 76 эвакуированных интернатов, находящихся в конце 1944 г. в Алтайском крае, 52 – ленинградские [15, л. 181; 16, л. 9–9 об., 10–12; 17, л. 147, 173, 182].

В Западной Сибири в годы войны находились детские учреждения для польских детей, испанский детский дом (в с. Тундрика Алтайского края) [18, л. 71]. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что вопросы приема, размещения, обустройства эвакуированных детей были в центре внимания советских, партийных организаций в течение всех лет войны. Даже в самые тяжелые месяцы войны ни на один день не прекращала свою работу многотысячная армия работников дошкольных, школьных учреждений и детских домов. По данным Статистического отдела Переселенческого управления РСФСР на 1 апреля 1943 г., в Западно-Сибирский регион прибыло 934,5 тыс. эвакуированного населения, в том числе 359,9 тыс. детей, что составляло 38,5 % от общего числа прибывших [19, с. 321].

Эвакуация проходила в тяжелых условиях. В ходе ее часть детей, подростков (по разным причинам) теряла связь с родителями, родственниками, учреждениями, с которыми они эвакуировались. Дети отставали от эшелонов, нередко под бомбежками гибли их родители [20, л. 90]. Имели место случаи преступно халатного отношения к делу эвакуации детей и подростков со стороны руководителей ряда учреждений и учебных заведе-

ний [21, л. 209]. Измученных и ослабленных военной судьбой и долгой дорогой детей нужно было встретить, разместить, окружить заботой и лаской, создать необходимые жизненные условия.

Подготовка к приему и размещению прибывающих детских учреждений должна была осуществляться в соответствии со специальными нормативно-правовыми документами, разработанными Госсанинспекцией РСФСР по обслуживанию детского населения в пути следования и на новых местах. Больные дети не должны были контактировать со здоровыми. При размещении, приеме в детские дома, интернаты должен был проводиться осмотр детей с полной санитарной обработкой, в течение двух недель предусматривался карантин [22, л. 87, 87 об.].

Вопросы размещения эвакуированных детей в регионе, прибывающих с детскими учреждениями, рассматривались, как правило, в особом порядке. 5 июля 1941 г. вопрос об эвакуации населения, в том числе детей, рассматривался на совместном заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома [23, л. 37–38]. Алтайский крайисполком принял решение «О размещении прибывающих детских домов в Алтайский край» и утвердил план их размещения 16 и 27 августа 1941 г. [24, л. 143]. 15 августа 1941 г. бюро Омского обкома ВКП(б) приняло постановление «О приеме, устройстве и обслуживании эвакуированного населения», а 2 сентября – постановление «О приеме и устройстве детей, эвакуированных из Москвы и Ленинграда» [25, с. 245]. 30 сентября 1941 г. Кемеровский горком ВКП(б) создал специальную комиссию по приему и размещению эвакуированных детей [26, л. 167–167 об.].

Для выполнения поставленных задач готовились помещения как за счет уплотнения в действующих местных детских домах, так и за счет изыскания дополнительной жилой площади. Подготовка помещений для детских учреждений уделялось особое внимание. Основная трудность состояла в том, что в отличие от всех других предприятий и учреждений, которые частично или даже полностью оборудовали для себя рабочие и жилые помещения самостоятельно, к прибытию интернатов, детских домов, домов малюток необходимо было в короткие сроки подготовить комнаты, установить мебель, организовать столовую, баню, прачечную и др.

Вопросы, связанные с приемом и размещением прибывающих по эвакуации детей, рассматривались как на заседании горрайкомов ВКП(б), так и горрайисполкомах. Так, 3 ноября 1941 г., обсуждая вопрос о приеме эвакуированных детей, Бердюжинский райисполком Омской области принял решение отремонтировать выделенные для обустрой-

ства детей помещения, изготовить необходимую мебель, оборудование подобрать обслуживающий персонал [27, с. 45]. Омский обком комсомола решением от 5 сентября командировал в районы области 200 комсомольцев-активистов для организации встречи и размещения прибывающих эвакуированных детских учреждений. Такую работу вели все обкомы, горкомы, райкомы комсомола Западной Сибири [28, л. 32].

В связи с прибытием большого количества предприятий и учреждений, размещаемых на имеющихся промышленных площадях в городах, и перенаселенностью городов многие детские эвакуированные учреждения размещались в райцентрах и сельской местности. Для этого использовались дома отдыха, санатории, пустые избы, школы, клубы и другие подходящие помещения [29, л. 3]. Прибывших детей тепло встречали местные жители и общественность. Жители с. Пятково Ново-Завимского района Омской области для встречи 438 ленинградских детей подготовили четыре чистых, оборудованных здания, сделали топчаны, столы, табуреты, собрали посуду, бачки под воду, лампы, подготовили столовую, продукты питания, одежду. В д. Чашинский Кордон этого же района прибыло 205 ленинградских детей. Жители села, готовясь к встрече, собрали для них одежду, обувь, подготовили питание. Посланная в район обкомом комсомола комсомолка Е. И. Кравченко деятельно помогала во всем. Учителя – воспитатели местной школы Л. Н. Лебедева и Э. В. Гам сутками находились среди прибывших детей [30, л. 139–140].

Тепло встречали ленинградских детей в Ханты-Мансийском национальном округе. В поселке Кедровом, оборудовав и убрав помещение, предназначенное для размещения детей, накрыли по-праздничному столы, всем селением вышли встречать паром с эвакуированными детьми. Детей ожидал горячий обед. Комсомольцы приготовили детям грибы, ягоды, одежду, обувь [28].

Так было во многих местах, когда вместе с работниками облгоррайона, облгоррайисполкомов, райкомов ВКП(б) и комсомола эшелоны, пароходы с детьми встречали женщины комсомольцы, молодежь, пионеры, тимуровцы. Женщины помогали мыть, переодевать, кормить детей. Школьники встречали прибывающих детей с гостинцами, подарками. Например, юннаты Омской области приготовили для эвакуированных ленинградских детей свыше 90 кг овощей, более 2 тыс. огурцов. Тимуровцы Дома пионеров г. Омска подарили им 400 комплектов белья, книги, игрушки [27, с. 44].

Следует отметить, что Омская область первой из сибирских областей приняла детские учреждения с эвакуированными детьми. Вывезенные к 7 августа 1941 г. 311 387 юных жителей Ленинграда были

эвакуированы в Удмуртскую, Башкирскую, Казахскую республики, в Ярославскую, Кировскую, Вологодскую, Свердловскую, Омскую, Пермскую, Актыбинскую и Челябинскую области [31, с. 28].

Детские учреждения с ленинградскими детьми прибывали в несколько этапов. На первом этапе (август – ноябрь 1941 г.) массовое их прибытие состоялось в ноябре 1941 г. По данным исследователя К. Г. Букренивой на 15 ноября 1941 в Омской области числилось 6 125 эвакуированных детей, а на 1 декабря 1941 г. – 14 500, но в их число входили уже не только ленинградские дети.

Второй этап эвакуации ленинградских детей в Омскую область пришелся на ноябрь – декабрь 1941 г. – начало 1942 г. Большинство эшелонов прибыло глубокой осенью и зимой. Это были ленинградские дети, которых 1 июля 1941 г., еще до блокады города, сначала эвакуировали в Ярославскую область, а затем они были направлены вглубь страны. Из Ярославля дети добирались до нового места назначения две недели (с 4–17 декабря 1941 г.). На 24 декабря 1941 г. они все были расселены на новом месте. На 1 января 1942 г. всего в области было размещено 15 272 ребенка, а на 1 июня 1942 г. – 138 эвакуированных учреждений с контингентом 14 925 детей, в том числе 109 интернатов из Ленинграда, 5 из Москвы и 24 детдома из разных областей Российской Федерации и союзных республик. Уменьшение численности детей с 15 272 (на 1 января 1942 г.) до 14 925 (на 1 июня 1942 г.) произошло главным образом за счет трудоустройства воспитанников детских домов [31, с. 42–43]. По данным уполномоченного Ленинградского горсовета по Омской области Е. А. Акимовой, из 14 925 детей (на 1 июня 1942 г.) 12 900 были организованно вывезены из Ленинграда и Ленинградской области [31, с. 54].

Третий этап эвакуации детей из Ленинграда пришелся на лето – осень 1942 г. Постановление Омского облисполкома за № 1112 от 1 августа 1942 г. «О приеме в область эвакуированных из Ленинграда организованных групп детства» разъясняло, что в край прибывают дети, пережившие блокаду, требующие особого внимания и заботы [31, с. 44]. Омск принимал эшелоны, встречать которые приглашали врачей. Это прибывали дети-дистрофики. Многих выносили на носилках и помещали в обсервационный пункт под строгое медицинское наблюдение. С другими проводили санобработку, перевозили на эвакуопункты, организовывали временное размещение, питание и лечение. И только отдохнувших, окрепших детей готовили и отправляли на места размещения [27, с. 44]. Всего с 19 августа по 15 сентября 1942 г. в область прибыло четыре ленинградских эшелона. Первый эшелон (850 детей) был разгружен в Тюмени. Второй (1 038 де-

тей) 22 августа 1942 г. прибыл в Омск. В этом эшелоне было три дома ребенка (117 детей). Один был размещен в деревне Старая Маслянка Абатского района, где был хорошо встречен и обустроен. Два других были размещены в селах Редкое Назвальского и Ядрино Любимского районов. Третий эшелон прибыл 7 сентября 1942 г. в составе 650 школьников и детей дошкольного возраста. Эти дети были отправлены на Север (в Ханты-Мансийский национальный округ). Четвертый эшелон (500 детей) был направлен на Север, кроме 47 детей из дома ребенка, размещенных в поселке Боевой Исилькульского района [31, с. 45]. Вопрос о численности эвакуированных детей в детучреждениях в Западной Сибири остается дискуссионным. Разные исследователи приводят разные данные.

По данным на декабрь 1943 г., в Омской области было размещено 22 154 эвакуированных ребенка [32, с. 63]. В работах М. Е. Бударина указывается цифра в 24 тыс. детей [33, с. 26]. Исследователь В. А. Исупов считает, что на 1 января 1944 г. в Омской области было размещено 122 детских дома (65 из Ленинграда, а в них 14 тыс. детей, и в интернатах – 8 тыс. То есть всего 22 тыс. детей) [34, с. 117]. По данным К. Г. Букренивой Омская область приняла с детскими учреждениями из Ленинграда 15 938 человек [31, с. 54]. В то же время С. А. Гурьева считала, что в 1942 г. в Омской области было размещено 161 детское учреждение с контингентом 18 159 человек [27, с. 44]. По данным Статистического отдела Переселенческого управления при СНК РСФСР на 1 апреля 1943 г. в Омской области числилось 170 детских учреждений, в которых было размещено 17 330 детей [35, л. 22]. Как видим, установить точные данные о численности детей, прибывших в Омскую область с детскими учреждениями, пока не представляется возможным. Затрудняет решение вопроса еще и то, что одни исследователи (К. Г. Букренива) речь ведут только о ленинградских эвакуированных детях, а другие – обо всех прибывших.

Большая работа по организации встречи и размещению эвакуированных детских учреждений проводилась в Новосибирской области. К началу 1942 г. сюда прибыли девять детсадов: № 4 из Пскова, № 6, 10, 38, 73 и детский сад Центросоюза из Москвы, № 42 из Смоленска, № 78 из Ленинграда и детплощадка одного из воронежских заводов, всего 539 детей и 96 человек персонала и семь детских домов: Ченковский (187 дошкольников) и Улуковский (135 школьников) из Гомельской области БССР, Черешенский (168 школьников) и Городнянский (108 школьников) из Черниговской, Андреевский (100 школьников) из Сталинской (Донбасс), Маргаритовский (58 школьников) из Ростовской, пионерский лагерь (150 школьников) из Смо-

ленска, всего 806 детей. Размещены они были в г. Томске, Новосибирске, Ленинске-Кузнецком и в девяти районах области [36, л. 133, 193; 37, л. 1]. В Томск и Томскую область, которые тогда были в составе Новосибирской области, прибыло более 9 тыс. эвакуированных детей. В их числе были дети, прибывшие в составе детских учреждений: дети двух детских садов и пионерского лагеря из Смоленска, детского дома инвалидов № 19 и детского дома № 7 из Московской области, размещенные в г. Томске. После мучительной холодной зимы, после бомбежек и обстрелов, голода и потери близких из блокадного города на Неве в августе 1942 г. в Каргасокский район в с. Вертикос прибыло 134 человека (детей) в возрасте от 7 до 14 лет из ленинградского детдома № 82. В поселок Усть-Чижанку прибыл ленинградский детский сад № 49 Выборгского района (67 малышей); в село Новоюгино – ленинградский детдом № 45 (58 детей) [38, с. 194]. В Чаинском районе Нарымского округа был размещен ленинградский детский дом № 4, в Зырянском – ленинградский детдом № 1, часть детей, прибывших в составе детских учреждений, была размещена в местных детских домах – Ягодненском детском доме Асиновского района, Парабельском и Новиковском детских домах Парабельского района, детских домах Колпашевского и Бакчарского районов [39, л. 3, 5, 123; 40, л. 42; 41, л. 83; 42, л. 150–151; 43, л. 4; 44, с. 93–100; 45, л. 120, 122, 135–137]. По данным Статистического отдела Переселенческого управления при СНК РСФСР, на 27 февраля 1943 г. в Новосибирской области числилось 48 эвакуированных детских учреждений (5 296 человек) [35, л. 22].

Первые эвакуированные в Алтайский край стали прибывать с конца июля 1941 г. Только с 27 по 31 июля 1941 г. в край прибыло 2 604 человека. 27 августа 1941 г. Алтайский крайисполком принял решение «О размещении прибывающих детских домов в Алтайский край» и утвердил план их размещения. В сентябре 1941 г. в крае числилось уже 5 161 эвакуированный ребенок [46, с. 153]. Но основной поток эвакуированных детей на Алтай пришелся на 1942 г., на втором этапе массовой эвакуации.

О том, насколько интенсивным, ответственным, чрезвычайно трудным было решение этой задачи, свидетельствуют постановления, принимаемые органами власти региона и проводимая работа по их реализации. Уже 24 июля 1942 г. Алтайский крайисполком рассмотрел вопрос «О дополнительном размещении прибывающих детей в Алтайский край», решением № 548 утвердил план приема и обустройства 3 тыс. детей из прифронтовой полосы в 19 районах края. В 10 районах (Залесовском, Краюшкинском, Тюменцевском, Кытмановском,

Алейском, Шипуновском, Завьяловском, Панкрушихинском, Павловском, Б.-Истокском) необходимо было разместить и обустроить дополнительно по 100 человек в каждом. В четырех (Барнаульском сельском, Волчихинском, Тальменском, Красноозерском – по 150 детей, в трех (Мамонтовском, Ельцовском, Ст. Бардинском) – по 200 детей, в Троицком – 300, Каменском – 500 [47, л. 26–27].

В связи с новыми указаниями Совнаркома СССР 29 августа 1942 г. крайисполком принял решение № 640 «О размещении детей, эвакуированных из Ленинграда», утвердив план приема и обустройства 3 тыс. детей из блокадного города по 17 районам края. Из общих ассигнований крайбюджета на первоначальные нужды каждого детдома, принимающего дополнительно детей, выделялось по 10 тыс. руб. На ремонт и организацию новых детдомов – 300 тыс. руб. Возбуждено было ходатайство крайФО и крайоно перед правительством об отпуске краю дополнительных средств и промтоваров по внебюджетному фонду на содержание эвакуированных детей [47, л. 27, 290]. Решением крайисполкома № 683 от 15 сентября 1942 г. «О размещении дома детей-инвалидов Отечественной войны, детдомов и профтехшколы» в селе Усть-Мосиха Шаргинского района края был размещен детский дом инвалидов, эвакуированный из Ленинграда, и дом умственно отсталых детей райсобеса. В с. Куликово была организована профтехшкола подростков-инвалидов Отечественной войны (150 человек) по швейно-сапожному профилю, в с. Корчино размещено 400 подростков-инвалидов. Уже на следующий день, 16 сентября 1942 г., на заседании крайисполкома рассматривался вопрос «О размещении прибывающих домов малюток в Алтайский край», решением № 688 был утвержден план их размещения в количестве 350 человек в Троицком (250 детей) и Поспелихинском (100 детей) районах края, а 18 сентября 1942 г. на заседании крайисполкома обсуждался вопрос «Об обслуживании эвакуированных детских учреждений и подготовке их к зиме». В принятом решении за № 698 была намечена целая программа деятельности всех ветвей властных структур для решения этой задачи [48, л. 460, 473, 487]. 26 сентября 1942 г. было принято новое решение крайисполкома № 721 «О дополнительном размещении в крае эвакуированных детей», согласно которому в связи с внеплановым прибытием эвакуированных детей для размещения в Алтайском крае был утвержден план приема 2 тыс. детей в 17 районах края [49, л. 2]. Рассматривая вопрос «О размещении эвакуированного из Ленинграда дома костно-туберкулезных детей-инвалидов» крайисполком, решением № 843 от 20 ноября 1942 г. обязал председателя Барнаульского райисполкома Гордеева в трехдневный

срок разместить на территории района эвакуированный из Ленинграда дом детей-инвалидов в пригодных для этой цели помещениях, обеспечить перевозку детей, имущества и оказать детскому необходимую помощь в решении жизненно важных для него вопросов [50, л. 335].

Как видим, указания правительства следовали одно за другим. Приведенные документы свидетельствуют о постоянном внимании властных структур Алтайского края к вопросам приема, размещения прибывающих детских учреждений, их обустройства. В справке Алтайского крайкома ВКП(б) от 5 декабря 1942 г. указывалось, что на основании постановления Совнаркома СССР Алтайский край должен был во второй половине 1942 г. принять 3 тыс. детей из Ленинграда, фактически же принял 4 714 человек, в том числе 1 532 ребенка из детдомов города на Неве. Всего же за сентябрь – ноябрь 1942 г. край разместил 71 детское учреждение с общим контингентом 8 816 человек [51, л. 9, 9 об.]. На 5 декабря 1942 г. на Алтае было уже 88 эвакуированных детских учреждений с контингентом более 10 тыс. человек, прибывших в 1941–1942 гг. [52, л. 23]. На 21 мая 1943 г. численность эвакуированных организовано детей в крае увеличилось до 14 260 человек [53, л. 6]. Следует отметить, что большая часть принятых Алтайским краем детей были эвакуированы из Ленинграда. Кроме детей из Ленинграда в край прибыли дети из Витебска, Орджоникидзе, Краснодара, Грозного, Воронежа, Ростова, Смоленска, Крыма, Москвы, Днепропетровска, Калининграда, Пятигорска, Черкасс, Киева и других мест [52].

Когда 16 сентября 1942 г. в Алтайский край прибыл первый эшелон с ленинградскими детсадами, его встречали на ст. Татарской представители крайкома. Из прибывших 13 детсадов (722 человека) 11 детсадов (623 человека) были встречены представителями крайкома на ст. Татарской и размещены в Карасукском, Красноармейском, Благовещенском, Родинском и Михайловском районах края, а два детсада (152 человека) привезены в Барнаул и размещены в с. Змеиногорск и с. Старая Алейка Змеиногорского района.

Во втором эшелоне с ленинградскими детьми, прибывшем 26 сентября 1942 г., было 13 детсадов с контингентом детей 1 029 человек. Все дети были перевезены в Барнаул и размещены в Угловском, Усть-Калманском, Чарышском, Алейском, Солтонском, Алтайском, Краснощековском районах. Третий эшелон с ленинградскими детьми был встречен представителями крайкома 16 октября 1942 г. в Новосибирске. Прибыло семь детсадов (499 человек) и два детских дома (177 человек). Все дети были отправлены 18 и 21 октября на пароходе из

Новосибирска в Камень для окончательного размещения в Каменском, Завьяловском, Панкрушихинском, Баевском и Тюменцевском районах края. Таким образом, за сентябрь и октябрь 1942 г. Алтайский край принял и разместил только из Ленинграда 35 детских учреждений (2 477 детей) [52, л. 20]. Крайком с привлечением актива была организована встреча и размещение прибывших детей. Подготовка и встреча их на местах проходили по-разному. Как родных встретили жители сел Поспелиха, Белоголазово, Новичихи, Косихи ленинградских детей. Торжественная, радушная встреча с участием председателя райисполкома была организована ленинградским детям в Карасуке. Детям было приготовлено угощение. На ст. Кулунда эшелон с детскими садами встретили секретарь Кулундинского райкома ВКП(б), председатель райисполкома, председатель Благовещенского райисполкома, заведующие Родинским и Михайловским районами. Перевозка детей и вещей прошла организованно на автомашинах [52]. Однако наряду с многочисленными примерами теплой, заботливой встречи эвакуированных детей были случаи иного рода. Некоторые были вызваны объективными факторами: плохой погодой при встрече и перевозке детей, нехваткой материалов для ремонта помещений. Так, переезд ленинградского детского сада № 34 Василиеостровского района из Алейска в с. Чарыш длился 19 дней (с 28 сентября по 16 октября 1942 г.), так как дождливая осенняя погода почти прекратила сообщение на подводах, а тем более на автомашинах. До конца октября 1942 г. дети детсада № 26 Фрунзенского района г. Ленинграда жили временно в Алейской школе, так как в с. Кашино, где их должны были разместить, не было отремонтировано помещение [52, л. 21]. Комиссией, созданной крайисполкомом для контроля за ходом приема и размещения детей, были выявлены серьезные нарушения, невнимательное, а подчас равнодушное отношение к детям. Такие факты были выявлены в Сорокинском, Курьинском, Змеиногорском, Алейском, Шипуновском, Троицком районах, где имелись случаи выдачи детям непригодного для питания хлеба. Исключительное бездушие проявили руководители Солтонского и Ельцовского районов края, которые не вывозили детей из Бийска в свои районы целый месяц. В Солтонском районе дети при перевозке их из Бийска больше недели были предоставлены сами себе, находясь безо всякого надзора на полевом стане. В Косихинском районе эвакуированные дети 1,5 месяца спали прямо на полу, а больные дистрофией не получали молоко. Подобные случаи получали принципиальную оценку. На основании выявленных комиссией фактов виновные были привлечены к дисциплинарной партийной и уголовной ответственности. Уполно-

моченные по эвакуации по Шипуновскому и Алейскому районам были сняты с должности как несправившиеся с работой. Председателю Ельцовского райисполкома за бездушное отношение к организации приема, размещения и устройства эвакуированных граждан и детей был объявлен выговор [52, л. 20–21].

По распоряжению СНК СССР от 25 мая и СНК РСФСР от 26 апреля, 7 мая, 23 июня 1943 г. проводилась эвакуация 16,5 тыс. детей-сирот из освобожденных Смоленской (7 тыс.), Курской (4 тыс.), Калининской (1,5 тыс.) областей, Ленинградской области и г. Ленинграда (2 тыс.), Украины (2 тыс.) в тыловые районы. В Западную Сибирь было направлено 3 700 человек. Прибывали дети и позже [54, с. 7].

Многие дети прибывали в тяжелом состоянии, особенно дети из Ленинграда и из освобожденных от немецкой оккупации районов страны. Среди них было много больных, истощенных детей. «Это были настоящие дистрофики, ходячие тени, – вспоминали о прибывших с детдомами осенью 1942 г. в Нарым ленинградских детях жительницы с. Вертикоса и участницы этих событий М. Н. Туркеева и А. М. Шевкунова. – А подняться им надо было на крутой высокий берег. И они, бедненькие, кто ползком на коленях, кто, поддерживая и подталкивая друг друга, взбирались на берег, а кого и на руках несли воспитатели и местные жители. Только через месяц мы услышали их голоса» [38, с. 194]. Осенью 1942 г. в Гурьевский детский дом Кемеровской области прибыло 120 детей-ленинградцев, из которых 60 % находились в состоянии дистрофии. Большинство детей совершенно не могли двигаться. Их выносили на носилках и помещали в обсервационный пункт под строгое медицинское наблюдение. Благодаря правильному руководству и материнской заботе директора детского дома комсомолки Е. Левченко, комсомольского коллектива все дети были излечены. С особой заботой относились к своей работе воспитатели-комсомольцы М. П. Яшкина, Н. В. Киселева и А. С. Мурзина [55, с. 244]. Бывшая учительница-комсомолка Шебалинской школы Алтайского края З. Е. Панова вспоминала: «В одну из декабрьских ночей 1942 г. в наше село прибыло 92 ребенка из осажденного Ленинграда. На соломе лежали измученные, искалеченные, исхудавшие дети. Они смотрели на нас, протягивали руки и просили есть. Даже председатель райисполкома, суровый и солидный мужчина не смог сдержать слез. Мы быстро организовали сбор теплых вещей и продуктов, затопили баню, помыли ребят, одели их во все чистое. Несколько дней мы выхаживали обессиленных малышей, пока их не взяли на воспитание колхозники» [56, с. 129].

С мая 1942 г. в Томск, Новосибирск прибывали подростки, учащиеся РУ, ФЗО, вышедшие из детских домов Калининской, Саратовской, Ленинградской областей. «Печальное это было зрелище, – вспоминали ранее прибывшие по эвакуации в Томск рабочие завода «Красный богатырь». – Ленинградцев вообще нельзя было воспринимать без содрогания – изможденные, немощные люди. Их поначалу требовалось обиходить, накормить» [57, с. 278]. Многие из эвакуированных детей страдали от завшивленности и чесотки. Среди воспитанников детского дома инвалидов № 19, прибывшего в Томск из Сталинграда, было много завшивленных детей. В Ленинградском детском доме № 82, размещенном в с. Вертикос Нарымского края, более 80 % детей были больны чесоткой» [58, л. 39]. Такое положение по прибытии в регион было во многих детских учреждениях, и с заболеваниями приходилось усиленно бороться.

Для размещения эвакуированных детских учреждений власти стремились найти лучшие помещения. Распоряжением Совета по эвакуации № 15091СЭ от 6 декабря 1941 г. Мосгорисполком командировал своих уполномоченных в 15 краев, областей, в том числе в Новосибирскую, Омскую области и Алтайский край для оказания помощи местным органам власти, контроля за работой по размещению и обустройству детских учреждений, эвакуированных из Москвы, их финансированием. В каждой из 15 областей, куда направлялись уполномоченные и дети, были назначены и постоянные представители эвакуированных детских учреждений. Такие представители были также во всех областях, куда были эвакуированы ленинградские дети [59, л. 1, 2].

Распоряжением № 4938 от 10 июля 1941 г. Совет по эвакуации разрешил ВЦСПС использовать дома отдыха для размещения детей и членов семей работников ВЦСПС и ЦК профсоюзов. Для этого многие курорты и санатории были переданы Управлению делами Совнаркома СССР. В Западной Сибири в начале войны для этих целей были использованы 13 санаториев, курортов, домов отдыха. На их площадях были размещены 3 240 эвакуированных детей и 1 000 членов семей работников ВЦСПС, ЦК профсоюзов и Управления делами Совнаркома СССР [60, л. 68]. Для подготовки к приему детей и взрослых членов семей в середине июля 1941 г. ВЦСПС командировал на места своих представителей. В Новосибирскую область выехал С. З. Лазер, в Омскую – Л. В. Марков, в Алтайский край – Л. И. Поляков [59, л. 1, 2]. Ленинградский детдом № 82, эвакуированный из блокадного города 28 июля 1942 г. в Каргасокский район Новосибирской области, был размещен в поселке Верте-Кос Нарымского края в бывшем интернате народов

Севера. Ему было предоставлено 10 деревянных зданий, скотный двор, телятник, 12 домов для обслуживающего персонала, что было вполне достаточно на наличный контингент детей (129 человек) и обслуживающего персонала (17 человек). Оборудование детского дома было вполне удовлетворительное. Сам детский дом в момент обследования крайною в связи с предстоящим вселением прибывающих находился в хорошем состоянии. При детдоме имелось подсобное хозяйство: 8 лошадей, 5 жеребят, 49 голов крупного рогатого скота, из них 12 дойных коров, 37 голов молодняка, 21 голова свиней. Посеяно 7 га различных культур: 4,5 га картофеля, 0,9 га овса, 0,5 га ячменя, 0,5 га гороха, 0,3 га льна, 0,5 га различных овощей. Имелось 100 га покоса. Сам Верте-Кос располагал большой хозяйственной базой – животноводство, огороды, хорошая рыбалка. Детдому выделили дополнительные наряды на продукты, значительное количество мануфактуры [41, л. 230].

Для создания нормальных условий жизни эвакуированных ленинградских детей Тоинский детский дом Чаинского района Нарымского округа был реорганизован в Ленинградский № 4 (256 детей). Часть детей Тоинского детдома была оставлена в нем (101 человек), а часть переведена в Гришкинский детский дом. Ленинградскому дому № 4 были переданы все помещения, имущество и 36,27 га посевной площади. Условия в детдоме были вполне хорошие. Питание дети обеспечены. Хозяйство в детдоме крепкое, собран был хороший урожай. Организована медицинская помощь [41, л. 288–288 об.].

30 сентября 1941 г. Кемеровский горисполком, рассмотрев вопрос «Об использовании санатория горздрава для размещения эвакуированного из Черниговской области детдома» передал детсанаторий горздрава с необходимым оборудованием и хозяйственной базой администрации прибывшего детского учреждения (200 детей и 50 человек обслуживающего персонала). Для ремонта одного из корпусов детсанатория было выделено 30 тыс. руб. [61, л. 167–167 об.]. Удобное типовое здание предоставили городские власти Ленинска-Кузнецкого прибывшему из Москвы детсаду № 38 Наркомугля (120 детей) [62, л. 16]. В Алтайском крае по распоряжению крайисполкома детским учреждениям Военно-транспортной академии было предоставлено помещение бывшей школы медсестер, находящееся в хорошем состоянии [63, л. 452]. Хорошее здание было подготовлено эвакуированному из Ростовской области в 1941 г. в Алтайский край Сандатовскому детгородку. Директор Майкин при поддержке краевых и районных организаций сумел полностью отремонтировать предоставленные ему дома, заготовил 5 тыс. м³ дров, 200 ц проса, 30 ц

овса, создал свое небольшое подсобное хозяйство: 4 лошади, 45 овец, 15 голов крупного рогатого скота, 90 ульев, организовал пошивочную, сапожную, столярную мастерские. За осенне-зимний период сотрудники и дети выработали в колхозе 6 тыс. трудодней. На новом месте, в новых условиях детгородок в сравнительно короткий срок смог обособиться и продолжать нормальную работу [64, л. 21].

В Омской области прибывшим детучреждениям из Москвы были отданы дома отдыха в Чернолузинской зоне отдыха [27]. Когда выяснилось, что природные условия более северных районов Омской области для ленинградских детей неблагоприятны, более 500 детей были переведены в южные районы области [65, л. 118].

В справке Новосибирского облисполкома СНК РСФСР от 7 июля 1942 г. «О мероприятиях по улучшению работы эвакуированных детских учреждений», подписанной зампреда облисполкома Н. Беляевым, отмечалось, что в Новосибирскую область в 1941 г. были эвакуированы семь детских домов и девять детских садов. Все детские дома и детские сады размещены в приспособленных, вполне пригодных помещениях. На капитальный ремонт четырех детских домов было ассигновано 105 тыс. руб., в остальных детсадах и детдомах был проведен текущий ремонт [66, л. 35].

Благодаря усилиям местных органов власти многие эвакуационные детские учреждения были размещены удовлетворительно. Однако были и те, которые оказались в сложных материально-бытовых условиях. Так, в конце декабря 1941 г. в Алтайский край из Москвы был эвакуирован детдом, который разместили в доме инвалидов на Булыгинской заимке. Помещение состояло из пяти небольших комнат, в каждой из которых было размещено от 18 до 32 человек. Для детей не хватало 50 коек. В помещении не было форточек, имелось плохое освещение, с подоконников текла вода, в связи с чем имели место массовые заболевания детей. За период с 19 ноября по 30 декабря 1941 г. в детдоме умерло семь малышей. В местном доме малютки, куда перевели 51 ребенка, вскоре из них умерло 16 человек. В горбольницу было направлено 15 детей. Из них умерло шесть малышей [67, л. 40].

В ноябре 1941 г. ЦК ВЛКСМ провел проверку работы комсомольских организаций по работе с эвакуированными детьми, в ходе которой были выявлены серьезные недостатки. 3 декабря 1941 г. бюро ЦК ВЛКСМ, заслушав вопрос «О работе с эвакуированными детьми», потребовало от комсомольских организаций страны, чтобы они «крепко взяли в свои руки дело обслуживания эвакуированных детей», наметив целую программу деятельности. ЦК ВЛКСМ обязал комсомольские организации страны повсеместно помогать и заботиться о

детях, эвакуированных на новые места жительства [68, с. 2]. Контроль за работой областных, городских, районных отделов народного образования на местах осуществлял наркомат просвещения РСФСР. На заседании 24 февраля 1942 г. СНК РСФСР, рассмотрев вопрос о выполнении постановления СНК РСФСР от 4 сентября 1941 г. «Об обслуживании детей, эвакуированных из прифронтовых областей на восток страны», указывал на неудовлетворительное его выполнение рядом областей и автономных республик [69, л. 16–17]. В апреле 1942 г. наркомат просвещения обсудил состояние дел в эвакуированных детских учреждениях Алтайского края, указав на целый ряд серьезных недостатков: на плохое размещение детских учреждений в Ключевском, Щебалинском, Тополинском, Малаховском, Горбуновском и других районах края, на плохо осуществляемый контроль за финансированием деятельности прибывших учреждений, факты хищения, растраты, имевшие место в Барнаульском детдоме № 11, Краюшкинском, Локтевском, Б. Ключевском, Паневском № 2 детских домах. Было указано и на недостатки материально-бытового состояния эвакуированных детских учреждений. Решение Наркомпроса РСФСР обязывало отделы образования всех уровней коренным образом перестроить свою работу с учетом условий военного времени [69, л. 39–41]. Подобные недостатки в размещении и обустройстве детей имели место и в других областях Западной Сибири. Осенью 1942 г. специальная бригада НКП, НКЗ, НКТ РСФСР, направленная СНК РСФСР в тыловые районы страны, проверяла состояние эвакуированных детских учреждений в Омской области. В результате обследования 43 детских домов и интернатов, знакомства с материалами облоно, облздрава, облторготдела, облпотребсоюза и мероприятиями указанных организаций были вскрыты серьезные недостатки в размещении и материально-бытовом обслуживании прибывших по эвакуации детских учреждений и в этой области. Было обнаружено, что не все детские учреждения были пригодны для нормальной жизнедеятельности детей. Только 86 из 138 учреждений вполне соответствовали необходимым требованиям. Из проверенных восьми учреждений в трех районах четыре интерната требовали капитального ремонта, выделения дополнительной площади или перевода детей в другие населенные пункты [54, с. 80–82].

Во многих интернатах наблюдалась скученность. Так, в Марьяновском интернате № 153 50 детей спали по двое, так как некуда было поставить топчаны. Три воспитателя из пяти помещались в спальнях девочек, ибо не имели своего угла, где могли бы отдохнуть. Директор не имел ни кабинета, ни собственной комнаты, где мог бы на-

едине говорить с воспитателями, детьми, выполнять свою работу. В этом же интернате дымили неисправные печи, вываливались оконные рамы, протекала крыша. В таком же положении находился детский интернат в Горьковском районе, в с. Крестики Оконешниковского района, детдом в Казанском районе и др.

Во многих интернатах было тяжелое положение с оборудованием, мебелью. Из-за отсутствия кроватей дети спали на полу, на нарах в два этажа, уроки готовили на топчанах. Некоторые детучреждения были размещены в населенных пунктах, где пригодная для употребления питьевая вода находилась за несколько километров, и ее приходилось возить (с. Николаевка Москалевского района, с. Крестики Оконешниковского района). Ряд интернатов оказались разбросаны по нескольким избам в большом селе или даже по нескольким деревням, в связи с чем было чрезвычайно затруднена организация питания и руководство этими интернатами. Например, интернат № 162 Полтавского района был размещен в трех точках на расстоянии 10–15 км. Такая ситуация сложилась и в Крутихинском районе. Помимо указанных выше бытовых неудобств часть интернатов не имели изоляторов, бань, прачечных, умывальников, оборудованных колодцев. В связи с этим испытывали большие затруднения с помывкой детей. Их приходилось мыть в колхозных банях, рассчитанных на 6–7 человек, или в помещениях детдомов и интернатов. Ощущалась нехватка мыла, других моющих средств, столовой и хозяйственной посуды [54, с. 84–86].

По итогам проверки облоно было предложено в ближайшее время ликвидировать выявленные недостатки. Отрицательные факты, выявленные бригадой в Омской и других проверяемых областях, использовались наркоматом как примеры того, как не надо делать [54, с. 87–88]. Необходимо отметить, что многие недостатки в проводимой работе были вызваны объективными причинами. В большинстве случаев для размещения детских учреждений выделялись неиспользованные школьные и другие здания, которые нуждались в серьезной перестройке, ремонте, остеклении, постройке хозяйственных помещений и др. Сроки подготовки жилья для заселения детей были ограничены, не хватало строительных материалов, рабочей силы, транспорта, что отрицательно сказывалось на результатах проводимой работы. К примеру, большинство районов Алтайского края подготовили здания для проживания детей, но не оборудовали службы. В Михайловском районе с. Николаевка детям предоставили хорошее помещение, где раньше был заповедник, но оно не было оснащено мебелью и не был закончен ремонт кухни. Еще хуже

было положение с расселением детей в Парфеновском районе края, куда прибыл Московский детприемник НКВД. Дети (210 человек) были размещены в семи небольших зданиях, которые ни по площади, ни по оборудованию не соответствовали элементарным требованиям, предъявляемым к детским учреждениям. Большая скученность способствовала нарушению санитарных правил, создавала угрозу для здоровья детей [52, л. 20 об.].

В еще худшем положении оказались эвакуированные из Ленинграда детские сады, прибывшие на Алтай в сентябре – октябре 1942 г., когда уже начались холода и им нужна была большая оперативная денежная и материальная помощь [52]. Детский дом, эвакуированный из Орджоникидзевского края в Кытмановский район Алтайского края, был размещен в двух небольших комнатах, что не давало возможности развернуть нормально учебно-воспитательную работу. Детдом не имел бани, прачечной, дезокамеры, что отрицательно отражалось на санитарном состоянии детей. Многие эвакуированные детские дома и интернаты из-за отсутствия помещений и инвентаря не имели возможности развернуть мастерские, что дало бы возможность заниматься пошивкой и ремонтом обуви и одежды, простых видов инвентаря и в целом трудовым воспитанием детей [52, л. 20]. Контроль за состоянием дел с размещением и обустройством прибывших детских учреждений со стороны власти не ослабевал. Местные органы власти на протяжении всех лет войны изыскивали возможности улучшения условий проживания детей. В Омской области за период с января по июнь 1942 г. семь интернатов были переведены в более удобные здания, 18 интернатов получили дополнительную площадь [54, с. 83]. По итогам проверки комиссией Томского горисполкома состояния эвакуированного детского дома инвалидов № 19, прибывшего из Сталинграда, 26 декабря 1942 г. состоялось заседание с обсуждением итогов ее работы. За бездеятельность, грубость, антисанитарное состояние детского дома, бесчеловечное отношение к

детям-инвалидам директор детдома Волков был отстранен от работы. Городскому прокурору были переданы материалы для привлечения его к ответственности. Новым директором детского дома № 19 была назначена Прасковья Ивановна Смирнова [70, л. 123–124]. По решению и под контролем горисполкома в короткие сроки были осуществлены ремонтные работы, оказана помощь в подвозке топлива, обеспечении детей мылом, обувью и одеждой. Для наведения чистоты и порядка в детдом была направлена группа домашних хозяек. Облсовбезу в дальнейшем запрещено было производить смену руководства детдома без согласования с горкомом ВКП(б) и горисполкомом. Из сокращаемых госпиталей во временное пользование детдом № 19 получил необходимую мебель и инвентарь [54, с. 115–116]. По решению Топкинского райисполкома «Об обслуживании эвакуированного детского дома № 93» от 4 ноября 1942 г. к концу ноября для детдома была оборудована прачечная, промкомбинатом выполнен заказ детдома на мебель (столы, стулья, тумбочки), два шкафа для хранения белья, упорядочен был вопрос с баней для воспитанников детдома. Детдому был передан дополнительно зал Черемичкинской средней школы, велись работы по переоборудованию помещения детдома, была начата работа по организации при детском доме мастерской для детей старше 12 лет [71, л. 323–324].

Следует отметить, что многочисленные документы свидетельствуют о большой работе, проводимой сибирскими властными структурами и общественностью по приему и обустройству детей в целом и эвакуированных детских учреждений. Анализ документальных данных центральных и западносибирских архивов показывает, что в чрезвычайных условиях жесточайшей войны велась многоплановая государственная политика по защите и охране детства. Формы и методы ее реализации были разнообразными. В те тяжелейшие годы был накоплен богатый опыт в решении поставленных задач, который можно использовать и в наши дни.

Список источников и литературы

1. Базаров Ф. Е. О предупреждении детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Омской области) // В грозные годы. Труды научной конференции «Сибиряки – фронту». Омск, 1973. С. 17–24.
2. Снегирева Л. И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010. С. 28–31.
3. Букренева К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.
4. Правда. 1942. 24 марта.
5. Правда. 1941. 18 декабря.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 1368.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 188.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 114.
9. ГАО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181.
10. ГАО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 204.

11. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 363.
12. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 401.
13. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 129.
14. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1427.
15. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 234.
16. ГААК. Ф. П-482. Оп. 2. Д. 203.
17. ГААК. Ф. П-482. Оп. 2. Д. 258.
18. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 12.
19. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 1: Исход. Томск, 2005. 359 с.
20. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 174.
21. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 10.
22. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 212а.
23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 3.
24. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 106.
25. Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Омск, 1960. Т. 1. 264 с.
26. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 96.
27. Гурьева С. А. Помощь трудящихся Западной Сибири эвакуированным детям // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 46–57.
28. Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Ф. 1. Оп. 7. Д. 23.
29. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 47. Д. 81.
30. ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 6.
31. Букренева К. Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск, 2015. 204 с.
32. Омичи – фронту. Омская область в Великой Отечественной войне. Омск, 1985. 96 с.
33. Бударин М. Е. Сибирский тыл 1941–1945 гг. (на материалах Омской области) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995. С. 21–26.
34. Исулов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. 378 с.
35. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 400.
36. ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 129.
37. ГАНО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 72.
38. Земля Каргасокская: сб. научно-популярных очерков / под ред. Яковлева. Томск, 1996. 343 с.
39. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 817.
40. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 278.
41. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 278.
42. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 393.
43. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 502.
44. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 511.
45. ГАТО. Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 536.
46. Мелехова Ю. А. Эвакуация детей в Алтайский край (1941–1943 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы Всерос. науч. конф. Барнаул, 2013. С. 153–154.
47. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 123.
48. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 130.
49. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 132.
50. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 131.
51. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 405.
52. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 207.
53. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 368.
54. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 3: Спасенное детство. Томск, 2005. 397 с.
55. Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): в 2 т. Кемерово, 1965. Т. 2. 280 с.
56. Гаврилов Н.С. Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1988. 106 с.

57. Губская Н. Завод резиновой обуви // О людях с чистой совестью. Из истории группы томских заводов. М., 1992. С. 278.
58. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 181.
59. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 421.
60. ГАРФ. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 420.
61. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 3. Д. 96.
62. ГАНО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 69.
63. ГААК. Ф. Р-312. Оп. 1а. Д. 60.
64. ГАРФ. Ф. А-5462. Оп. 20. Д. 35.
65. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-437. Оп. 9. Д. 1114.
66. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 3. Д. 654.
67. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 155.
68. Комсомольская правда. 1941. 17 декабря.
69. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 1407.
70. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 817.
71. ГАКО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 23.

Снегирева Людмила Илларионовна, кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: snegireva@vtomske.ru

Материал поступил в редакцию 18.01.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-143-156

THE RECEIVING AND HOUSING THE EVACUATED CHILDREN'S INSTITUTIONS IN THE WEST SIBERIAN REAR AREA (1941–1943)

L. I. Snegireva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The subject of the research is the evacuation of children's institutions to West Siberian rear area, their receiving and housing, the industry organization and social problems and consequences caused by them. The purpose of the research is to study the problem by identifying the state of work, the mechanisms for implementing the main activities, their scope and results. The research was carried out in accordance with the basic principles of historical science. It shows that the evacuation of children's institutions, their reception and housing were the focus of the authorities' attention. The issues were handled personally, taking into account the evolving situation. The paper emphasizes the complexity of the work, its strengths and weaknesses, traces the ways of solving the arising problems. The paper highlights that the preparation for the receiving and housing of the arriving children's institution was carried out in accordance with the basic legal documents on servicing the child population in their itinerary and at the new places, developed by the State Sanitary Inspectorate of the Russian Soviet Federated Socialistic Republic. The numerous archival documents show that a large work on the receiving and housing of the evacuated children was carried out in West Siberia. From the document we can see that in the extreme conditions of the severe war the country carried on the state policy of children protection and care, preservation of the gene pool. The considerable experience was accumulated in solving the issues under consideration, much of which can be used in our days.

Key words: *the Great Patriotic War, evacuation, orphanage, boarding school, baby house.*

References

1. Bazarov F. E. O preduprezhdenii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Omskoj oblasti) [On the prevention of the neglect and abandonment of children in the years of the Great Patriotic War (on the materials of the Omsk Region)]. *V groznyye gody. Trudy nauchnoj konferentsii "Sibiryaki – frontu"* [In the severe years: the papers of the scientific conference "Siberian people to the Front"]. Omsk, 1973. Pp. 17–24 (in Russian).
2. Snegireva L. I. Evakuatsiya detey v Zapadnyu Sibir' (1941–1945 gg.) [Evacuation of children to the West Siberia (1941–1945)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia]. Novosibirsk, 2010. P. 2 (in Russian).
3. Bukreneva K. G. *Evakuirovannyye leningradskiyе detskiye doma v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [The evacuated Leningrad orphanages at the Khanty-Mansi National District in the years of the Great Patriotic War. Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Yekaterinburg, 2015. 23 p. (in Russian).
4. *Pravda*, 24 March 1942 (in Russian).

5. *Pravda*, 18 December 1941 (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [The State Archive of Russian Federation (SARF)]. F. 2306. Op. 70. D. 1368 (in Russian).
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History]. F. 17. Op. 22. D. 188 (in Russian).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [The State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. F. P-1030. Op. 1. D. 204 (in Russian).
9. GANO [SANR]. F. P-1030. Op. 1. D. 181 (in Russian).
10. GANO [SANR]. F. P-1030. Op. 1. D. 204 (in Russian).
11. GARF [SARF]. F. A-327. Op. 2. D. 363 (in Russian).
12. GARF [SARF]. F. A-327. Op. 2. D. 401 (in Russian).
13. GANO [SANR]. F. P-1030. Op. 1. D. 129 (in Russian).
14. GARF [SARF]. F. A-2306. Op. 70. D. 1427 (in Russian).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraia (GAAK) [The State Archive of the Altai Krai (SAAK)]. F. P-834. Op. 1. D. 234 (in Russian).
16. GAAK [SAAK]. F. П-482. Op. 2. D. 203 (in Russian).
17. GAAK [SAAK]. F. П-482. Op. 2. D. 258 (in Russian).
18. GANO [SANR]. F. P-1020. Op. 1. D. 12 (in Russian).
19. *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh: v 3 t. T. 1. "Iskhod"* [For the sake of the Victory: evacuation of the civic population to the West Siberia in the years of the Great Patriotic War: in documents and materials. In 3 volumes. Vol. 1 Exodus]. Tomsk, 2005. 359 p. (in Russian).
20. GANO [SANR]. F. P-1030. Op. 1. D. 174 (in Russian).
21. GANO [SANR]. F. П-4. Op. 6. D. 10 (in Russian).
22. GAAK [SAAK]. F. П-1. Op. 18. D. 212a (in Russian).
23. GANO [SANR]. F. П-4. Op. 5. D. 3 (in Russian).
24. GAAK [SAAK]. F. P-834. Op. 1. D. 106 (in Russian).
25. *Omskaya partiynaya organizatsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Omsk Party Organization in the period of the Great Patriotic War 1941–1945]. In 2 volumes. Vol. 1. Omsk, 1960. 264 p. (in Russian).
26. Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti (GAKO) [The State Archive of the Kemerovo Region (SAKR)]. F. P-18. Op. 3. D. 96 (in Russian).
27. Gur'eva S. A. Pomoshch' trudyashchikhsya Zapadnoy Sibiri evakuirovannym detyam [The help of the working people of the West Siberia to evacuated children]. *Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Siberia in the Years of the Great Patriotic War]. Novosibirsk, 1986. Pp. 46–57 (in Russian).
28. *Tsentr khraneniya dokumentov molodezhnykh organizatsiy (TsKhDMO)* [The Center for storage of the documents of youth organizations (CSDYO)]. F. 1. Op. 7. D. 23 (in Russian).
29. GARF [SARF]. F. A-482. Op. 47. D. 81 (in Russian).
30. TsKhDMO [CSDYO]. F. 1. Op. 7. D. 6 (in Russian).
31. Bukreneva K.G. *Evakuirovannyye leningradskie detskiye doma v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The evacuated Leningrad orphanages at the Khanty-Mansi National District in the years of the Great Patriotic War]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2015 (in Russian).
32. *Omichi – frontu. Omskaya oblast' v Velikuyu Otechestvennyuyu voynu* [The Omsk citizens – to the Front. The Omsk Region in the Great Patriotic War]. Omsk, 1985 (in Russian).
33. Budarin M. E. *Sibirskiy tyl 1941–1945 gg. (na materialakh Omskoy oblasti)* [The Siberian rear 1941–1945 (on the materials of the Omsk Region)]. *Sibir': vklad v pobedu v Velikoy Otechestvennoy voynе: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Siberia: contribution to the victory in the Great Patriotic War: Materials of the All-Russian scientific conference]. Omsk, 1995 (in Russian).
34. Isupov V. A. *Glavnyy resurs Pobedy* [The main resource of the Victory]. Novosibirsk, 2008. P. 117 (in Russian).
35. GARF [SARF]. F. A-327. Op. 2. D. 400 (in Russian).
36. GANO [SANR]. F. P-1030. Op. 1. D. 129 (in Russian).
37. GANO [SANR]. F. P-1366. Op. 1. D. 72 (in Russian).
38. *Zemlya Kargasokskaya: sb. nauchno-populyarnykh ocherkov* [The Land of Kargasok: collection of popular science essays]. Ed. by Ya. A. Yakovlev. Tomsk, 1996. 343 p. (in Russian).
39. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO) [The State Archive of the Tomsk Region (SATR)]. F. P-430. Op. 1. D. 817 (in Russian).
40. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 278 (in Russian).
41. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 278 (in Russian).
42. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 393 (in Russian).
43. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 502 (in Russian).
44. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 511 (in Russian).

45. GATO [SATR]. F. P-591. Op. 1. D. 536 (in Russian).
46. Melekhova Yu. A. Evakuatsiya detey v Altayskiy kray (1941–1943 gg.) [Evacuation of children to the Altai Krai (1941–1943)]. *Aktual'nyye voprosy istorii Sibiri. Devyatyye nauchnyye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Relevant issues of the Siberian History: The 9th scientific readings in memory of Professor A. P. Borodavkin: materials of the All-Russian scientific conference]. Barnaul, 2013. Pp. 153–154 (in Russian).
47. GAAK [SAAK]. F. P-834. Op. 1. D. 123 (in Russian).
48. GAAK [SAAK]. F. P-834. Op. 1. D. 130 (in Russian).
49. GAAK [SAAK]. F. P-834. Op. 1. D. 132 (in Russian).
50. GAAK [SAAK]. F. P-834. Op. 1. D. 131 (in Russian).
51. GARF [SARF]. F. A-327. Op. 2. D. 405 (in Russian).
52. GAAK [SAAK]. F. П-1. Op. 18. D. 207 (in Russian).
53. GARF [SARF]. F. A-327. Op. 2. D. 368 (in Russian).
54. *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh v trekh tomakh. T. 3. "Spasennoye detstvo"* [For the sake of the Victory: evacuation of the civic population to the West Siberia in the years of the Great Patriotic War: in documents and materials. In 3 volumes. Vol. 3. Saved childhood]. Tomsk, 2005. 397 p. (in Russian).
55. *Partiynnye organizatsii Kuzbassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [The Kuzbass party organizations in the years of the Great Patriotic War (1941–1945)]. In 2 volumes. Vol. 2. Kemerovo, 1965 (in Russian).
56. Gavrilov N. S. *Zapadnaya Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [West Siberia in the years of the Great Patriotic War]. Barnaul, 1988. 106 p. (in Russian).
57. Gubskaya N. *Zavod rezinovoy obuvi* [Rubber footwear factory]. *O lyudyakh s chistoy sovest'yu. Iz istorii gruppy tomских zavodov* [About the people with a clear conscience. From the history of group of Tomsk plants]. Moscow, 1992 (in Russian).
58. GARF [SARF]. F. P-6822. Op. 1. D. 181 (in Russian).
59. GARF [SARF]. F. P-6822. Op. 1. D. 421 (in Russian).
60. GARF [SARF]. F. P-6822. Op. 1. D. 420 (in Russian).
61. GAKO [SAKR]. F. P-18. Op. 3. D. 96 (in Russian).
62. GANO [SANR]. F. P-1366. Op. 1. D. 69 (in Russian).
63. GAAK [SAAK]. F. P-312. Op. 1a. D. 60 (in Russian).
64. GARF [SARF]. F. A-5462. Op. 20. D. 35 (in Russian).
65. *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IsAOO)* [The Historic Archives of the Omsk Region (HAOR)]. F. P-437. Op. 9. D. 1114 (in Russian).
66. GARF [SARF]. F. A-259. Op. 3. D. 654 (in Russian).
67. GAAK [SAAK]. F. П-1. Op. 18. D. 155 (in Russian).
68. *Komsomol'skaya Pravda*, 17 December 1941 (in Russian).
69. GARF [SARF]. F. 2306. Op. 70. D. 1407 (in Russian).
70. GATO [SATR]. F. P-430. Op. 1. D. 817 (in Russian).
71. GAKO [SAKR]. F. P-76. Op. 1. D. 23 (in Russian).

Snegireva L. I., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: snegireva@vtomske.ru